

М. Ф. Румянцева

**ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ В ИСТОРИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ: ОТ ТРАДИЦИИ К НОВАЦИИ**

doi:10.30759/1728-9718-2024-3(84)-90-97

УДК 930.2 ББК 63.2

В статье анализируется значение вещественных исторических источников в системе типов исторических источников с середины XIX в. до начала XXI в. Показано, что в пропедевтиках/учебниках исторического метода начиная с середины XIX в. вещественные исторические источники занимали существенное место, наряду с письменными историческими источниками, однако в практике исторической науки они не были задействованы. Объяснение этому феномену дается с привлечением концепции двух типов культур, исторической и традиционной, Ю. М. Лотмана. Эксплицируются факторы начала поворота к вещам в источниковедении в конце XX в. Это, во-первых, антропологический/культурный/прагматический поворот в историческом познании, связанный как с кризисом исторического нарратива, так и с осознанием излишней схематичности структурной истории; во-вторых, трансформация объекта источниковедения, что наиболее существенно для рассматриваемой нами проблемы. Особое внимание уделено анализу сформулированного О. М. Медушевской в рамках теории когнитивной истории концепта *эмпирической реальности исторического мира* как макрообъекта исторического познания. Анализируются его свойства универсальности и структурированности, которые обуславливают его значение как эмпирической базы построения глобальной истории на компаративной основе. В-третьих, актуализация задачи преодоления европоцентризма, ситуация столкновения цивилизаций и постановка геополитической задачи их синергии требуют расширения источниковой базы за пределы традиционных для исторического типа культуры письменных источников, в первую очередь за счет вещественных источников как наиболее универсальных для разных цивилизаций. В заключении эксплицированы сложности вовлечения в научный оборот вещественных исторических источников и намечены пути их преодоления.

Ключевые слова: *источниковедение, вещественные исторические источники, письменные исторические источники, система видов исторических источников, эмпирическая реальность исторического мира, преодоление европоцентризма, компаративное источниковедение*

Преамбула

В конце XIX в. Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) и Ш. Сеньобос (1854–1942) афористично сформулировали базовый постулат исторической науки: «История пишется по документам. <...> Ничто не может заменить документов: нет их, нет и истории».¹ Приступая к «боям за историю», в начале 1930-х гг. знаменитым французским историком возразил Л. Февр (1878–1956), расценив их формулу как «опасную», поскольку она связывает историю исключительно с письменными источниками.² Но

¹ Ланглуа [Ш.-В.], Сеньобос [Ш.] Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 13.

² См.: Февр Л. Суд совести истории и историка // Бои за историю. М., 1991. С. 11.

труды представителей школы «Анналов», равно как и других историков, по-прежнему основываются почти исключительно на письменных исторических источниках (чтобы убедиться в этом, достаточно бегло взглянуть на сноски и списки литературы в научных статьях и книгах), и со времени Ланглуа и Сеньобоса связь истории и письменности не только не опровергнута, но и, напротив, теоретически обоснована: советский культуролог Ю. М. Лотман (1922–1993) показал существенное различие культур с разным типом социальной памяти — традиционным и историческим (казуальным по содержанию и *письменным по механизму фиксации*);³ аналогичные идеи высказывали французский историк П. Нора (р. 1931), противопоставлявший историю и память,⁴ и американский

³ См.: Лотман Ю. М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Внутри мыслящих миров: человек — текст — семиосфера — история. М., 1996. С. 344–356.

⁴ Нора П. Проблематика мест памяти // Франция — память. СПб., 1999. С. 17–50.

Румянцева Марина Федоровна — к.и.н., доцент Школы исторических наук факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: mf-r@yandex.ru

историк П. Хаттон (р. 1938), разделявший социальную память по аналогии с индивидуальной на память-воспоминание и память-повторение.⁵

С одной стороны, историки-методологи никогда не отказывались от вещественных исторических источников и традиционно включали их в свои пропедевтики/учебники исторического метода. А с другой стороны, поворот (начало поворота) к вещественным источникам стал существенной новацией социальных наук конца XX в.

*Традиция: вещественные источники
в пропедевтиках*

И. Г. Дройзен (1808–1884), читавший лекционный курс «Энциклопедия и методология истории» (1857 г., издан впервые в 1936 г.) в Берлинском университете, известном в XIX в. разработкой метода истории, автор «Очерка историки» (1858, 1862, 1867, 1875, 1881), со всей определенностью утверждал эмпирический характер исторической науки.⁶ И. Г. Дройзен разделял исторический материал на *собственно источники, остатки и памятники*. Соотнося *остатки с собственно источниками*, под которыми он понимал преимущественно «мемуары и письменные свидетельства», историк акцентировал внимание на «вещах из прошлого», которые, по его мнению, являются «красноречивыми свидетельствами былых времен, поскольку они <...> застыли в неподвижности сто, триста лет назад».⁷ Но важно заметить, что с остатками И. Г. Дройзен связывал в первую очередь «историю доисторической эпохи»,⁸ что, кстати, вполне соответствует высказыванию Л. Февра, который, критикуя формулу Ланглуа и Сеньобоса, пафосно восклицал, что она утверждает связь истории и письменности именно в тот период развития науки, когда проявился интерес ученых к самому длительному периоду истории человечества — доисторическому, причем Л. Февр не видит никакого противоречия в словосочетании «*история доисторического периода*».⁹

Продолжатель немецкой методологической традиции Э. Бернгейм (1850–1942) в 1889 г. публикует фундаментальный «Учебник исторического метода и философии истории», а в 1907 г. его сокращенный вариант «Введение

в историческую науку». Э. Бернгейм, закрепивший на долгие годы деление исторических источников на *остатки и предания*, к *остаткам* отнес не только и даже не столько вещественные источники, но все же обратил внимание на «телесные остатки людей и их деятельности», которые используются преимущественно при изучении первобытной истории человечества¹⁰ (или доисторического периода, если воспользоваться приведенной выше терминологией), и «произведения всех наук, искусств, ремесел», свидетельствующие «о потребностях, способностях, взглядах, настроениях, состояниях, словом, степени всего развития их творцов и их времени».¹¹

Уже упоминавшиеся Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, сосредоточившись на *описаниях и повествованиях* как на «следах» психологического характера, все же признают и значение вещественных исторических источников / «вещественных следов».¹² Но особой сложности в изучении вещественных исторических источников, в отличие от письменных, авторы не видят, усматривая причинность порождения вещественных источников в физических законах,¹³ и поэтому авторы сосредотачиваются на методах работы с письменными историческими источниками.

А. С. Лаппо-Данилевский (1863–1919) в 1910–1913 гг. опубликовал «Методологию истории», пособие к лекционному курсу 1909/1910 учебного года. При всем новаторстве русского методолога в области методологии источниковедения, он в области классификации / систематизации исторических источников во многом остался в русле теоретических исканий XIX — начала XX в. Исходя при систематизации исторических источников из ценности их для установления действительного существования исторического факта, А. С. Лаппо-Данилевский, развивая идею И. Г. Дройзена об эмпирическом характере исторической науки, отмечает, что историк «заключает о внутреннем содержании источника только на основании его материального образа, доступного его чувственному восприятию».¹⁴ С точки зрения ценности источника для суждения о факте, А. С. Лаппо-Данилевский делит их на две

⁵ См.: Хаттон П. История как искусство памяти. СПб., 2004.

⁶ См.: Дройзен И. Г. Историки. СПб., 2004. С. 84.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же.

⁹ См.: Февр Л. Указ. соч. С. 11.

¹⁰ См.: Там же. С. 88.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Ланглуа [Ш.-В.], Сеньобос [Ш.] Указ. соч. С. 50.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории: в 2 т. М., 2010. Т. 2. С. 42.

группы: *источники изображающие* и *источники обозначающие* факт, чему более-менее соответствует их эмпирическое деление на *вещественные* и *письменные*. Естественно, что вещественные источники, в отличие от письменных, более непосредственно воспринимаются историком.¹⁵

*Новация — поворот к вещам
в социальном/историческом познании*

По-видимому, вещественный (вещный) поворот начинается в социологии с создания в 1980-х гг. М. Каллоном (р. 1945), Б. Латуром (1947–2022) и Д. Ло (р. 1946) акторно-сетевой теории. Если, конечно, не считать предтечей обращения к вещам М. Фуко (1926–1984), опубликовавшего свои «Слова и вещи» еще в 1966 г. Наиболее существенной (и более всего критикуемой) особенностью акторно-сетевой теории является попытка преодолеть «онтологическую асимметрию» между людьми и не-людьми, включив вещи в сетевые взаимодействия на равноправных основаниях.¹⁶ Проблема соотношения источниковедческого и социологического подходов еще ждет специального изучения,¹⁷ но уже сейчас можно предположить, что их основа различается: источниковедение исходит из понимания исторического источника как объективированного (вещного) результата человеческой деятельности, а акторно-сетевая теория рассматривает «равноправное» взаимодействие человека и вещи, включенных в общие сети. Но при более пристальном взгляде это различие, скорее всего, может быть нивелировано, поскольку акторно-сетевая теория обращается не столько к объектам как таковым, сколько к вещам, то есть к тому, что создано человеком и, соответственно, объективирует его и рассматривается в традиции источниковедения как исторический источник. Полагаю, что не будет большой вольностью интерпретировать вещь в акторно-сетевой теории именно как объективацию человека и рассматривать сетевые взаимодействия не как взаимодействия людей/не-людей, а

как взаимодействие человек–человек, опосредованное вещью.

Что касается исторической науки, то можно заметить, что примерно с последней трети XX века очень постепенно, но начинают востребоваться изобразительные и, в существенно меньшей степени, вещественные исторические источники. Выделю ряд факторов этого процесса.

Фактор первый — культурный поворот. Точнее три, очень близкие по смыслу и, — главное, — по обусловившим их причинам, — поворота: антропологический, культурный и прагматический.¹⁸ Осознание необходимости экспликации широких культурных контекстов для понимания инакости человека прошлого, на чем настаивает историческая антропология, требовало выхода за традиционные рамки не только политической, но и социальной, и экономической истории, а значит и расширения источниковой базы исследований. Конечно, это расширение шло в первую очередь за счет вовлечения в научный оборот ранее не востребованных исследователями письменных исторических источников (очевидно, что здесь возможности весьма ограничены) и, — в меньшей мере, хотя возможностей здесь куда больше, — за счет применения более тонких методов их анализа. Но все более очевидно, что полноценное изучение культуры, ее системная экспликация невозможны без вовлечения в исследование всех доступных ее продуктов, понимаемых в источниковедении как исторические источники, то есть без обращения в первую очередь к изобразительным и вещественным историческим источникам — к последним в качестве наиболее универсальных, свойственных любой культуре, в том числе и бесписьменной.

Фактор второй — трансформация объекта источниковедения. На протяжении истории источниковедения его дисциплинарный статус трансформировался: базовая составляющая исторического метода — (суб)дисциплина исторической науки — научное направление. Соответственно менялся и объект источниковедения: исторический источник — система видов исторических источников — эмпирическая реальность исторического мира.¹⁹

¹⁵ См.: Там же. С. 42, 43.

¹⁶ См.: Каллон М. Акторно-сетевая теория // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%BD%20%D0%9C.%20%D0%90%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE-%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf?ysclid=lwqa8n1y83879449775> (дата обращения: 05.01.2024).

¹⁷ См., напр.: Социология вещей. М., 2006.

¹⁸ Подробнее см.: Румянцева М. Ф. «Повороты в историческом познании»: опыт систематизации // История культуры и культура истории. Краснодар, 2024. С. 41–52.

¹⁹ Подробнее см.: Румянцева М. Ф. Источниковедение в структуре исторического знания: неоклассическая модель науки // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5 (166). С. 44–51.

Здесь важны два момента.

Первый. Источниковедение определилось как самостоятельная историческая (суб)дисциплина только в советской/российской историографии на эпистемологической основе русской версии неокантианства. При этом под дисциплиной (субдисциплиной) исторической науки понимается такая область научного исторического знания, которая имеет собственный объект исследования.²⁰ Очевидно, что таким объектом не может быть исторический источник, поскольку он является объектом исторического познания как такового. Таким собственным объектом для источниковедения стала *система видов исторических источников*. Отметим, что концепция видовой структуры корпуса источников разрабатывалась Научно-педагогической школой источниковедения Историко-архивного института²¹ в 1950–1960-е гг., то есть параллельно с немецкой структурной социальной историей (В. Конце, 1910–1986) и вторым поколением Школы «Анналов» (Ф. Бродель, 1902–1985), обращавшейся в этот период к структурам *longue durée*.

Второй. Хорошо известно, что видовая структура корпуса исторических источников разработана исключительно для письменных источников и, соответственно, ориентирована на изучение культур (точнее — единственной, европейской, культуры) с историческим типом социальной памяти. Напомним, что наиболее жестко этот тип культуры выделял Э. Гуссерль (1859–1938), подчеркивая его уникальность, но одновременно и ограниченность, если не тупиковость.²²

Новая концептуализация «вещи» / «интеллектуального продукта» произведена, — в развитие заложенных русскими неокантианцами эпистемологических основ, — О. М. Медушевской (1922–2007), сформулировавшей концепт *эмпирической реальности исторического мира* как базовый в теории когнитивной истории.²³

²⁰ См.: Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М., 2016. С. 93, 94.

²¹ Научно-педагогическая школа источниковедения историко-архивного института непосредственно восходит от методолога-неокантианца Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863–1919) через его ученика Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959) к ученице А. И. Андреева Ольге Михайловне Медушевской (1922–2007), возглавлявшей Научно-педагогическую школу в последней трети XX — начале XXI в. (Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник. М., 2001).

²² См.: Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994. С. 101–126.

²³ См.: Медушевская О. М. Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины

О. М. Медушевская подчеркивает: «Вещь как категория мыслима и существует не в природе, но в человеческом мире».²⁴

Следуя лучшим традициям построения исторических теорий, О. М. Медушевская в основу своих размышлений кладет представления о природе человека: «Главное отличительное свойство человеческого мышления — способность *целенаправленно создавать продукт в виде материального образа и осуществлять опосредованный информационный обмен* (выделено мной — М. Р.) с себе подобными...»²⁵

Первая часть определения природы человека вполне соответствует определению исторического источника, которое в начале XX в. сформулировал А. С. Лаппо-Данилевский: «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением».²⁶ Оно, в свою очередь, опирается на концепцию основоположника русской версии неокантианства А. И. Введенского (1856–1925), который утверждал, что чужая душевная жизнь не воспринимается непосредственно, но воспроизводится по своим «внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям».²⁷ Необходимо подчеркнуть, что концепция А. И. Введенского оригинальна в эпистемологическом и этическом аспектах, но вполне в русле (если понимать его достаточно широко) размышлений о природе человека, свойственных XIX в. Так, К. Маркс, приступая к разработке своей теории, размышлял в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» (введены в научный оборот в 1932 г.): «Практическое созидание *предметного мира, переработка* (здесь и далее выделено автором — М. Р.) неорганической природы есть самоутверждение человека как сознательного родового существа <...> именно в переработке предметного мира человек впервые действительно утверждает себя как *родовое существо*».²⁸ На это размышление молодого К. Маркса обратил особое внимание один из наиболее тонких интерпретаторов его наследия

ны — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX международной научной конференции: в 2 ч. М., 2008. Ч. 1. С. 24–34; Она же. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008.

²⁴ Медушевская О. М. Теория и методология... С. 29.

²⁵ Медушевская О. М. Эмпирическая реальность... С. 24.

²⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории... Т. 2. С. 38.

²⁷ Введенский А. И. О пределах и признаках одушевления: новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб., 1892. С. 7.

²⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 566.

Э. Фромм (1900–1980), утверждавший, что именно представления о взаимоотношениях субъекта и объекта лежат в основе марксистской концепции деятельности. При этом объект понимается как вещь, которая объективирует субъект и усиливает его собственные способности.²⁹

О. М. Медушевская вряд ли придавала существенное значение этому аспекту понимания природы человека и точно не опиралась непосредственно на Маркса, но, вслед за русскими неокантианцами, сосредоточилась на эпистемологической составляющей. Она, вполне в духе А. И. Введенского, утверждает: «Человеческое мышление может быть познано в той мере, в какой человек захотел и смог запечатлеть свои мысли вовне, в продуктах своего творчества».³⁰ Исследовательница, как и А. С. Лаппо-Данилевский, сосредотачивает внимание на объективированности/реализованности человеческой деятельности в созданном продукте/вещи, имманентные свойства которой — материальность и структурированность, что создает возможность фиксации информационного ресурса и трансляции его не только в пространстве, но и во времени. Главный вывод, к которому приходит О. М. Медушевская: «Константность, устойчивость бытования эмпирической вещи изначально создает условия для опосредованного информационного обмена, что делает возможным живое функционирование человеческого сообщества. Следовательно, человек имеет условия для познания другого, себе подобного, как на повседневном, бытовом уровне, так и на уровне научного познания».³¹

Вторая часть характеристики человека (человеческого мышления) О. М. Медушевской, акцентирующая внимание именно на опосредованном информационном обмене, вполне инновационная. Важно, что в концепции О. М. Медушевской именно опосредованный информационный обмен / передача информации через вещь, объективирующую психику Другого, обуславливает возможность как человеческой истории, так и ее изучения. *Эмпирическая реальность исторического (человеческого) мира* в концепции когнитивной истории — это макрообъект истории, изучаемый исторической наукой как в коэкзистен-

циальном/синхронном бытовании, так и в его развитии.³²

Концепт *эмпирической реальности исторического мира*, онтологический по своей сути, обуславливает трансформацию дисциплинарного статуса источниковедения из (суб)дисциплины исторической науки в научное направление.³³

Концепт *эмпирическая реальность исторического мира*, расцениваемый как макрообъект исторической науки (в ее широком понимании), создает эмпирическую основу для преодоления европоцентризма / рассмотрения глобальной истории на компаративной основе.

Выделим два аспекта концепции когнитивной истории, позволяющие рассматривать источниковедение как научное направление, предлагающее свой механизм построения глобальной истории (излишне говорить о том, что эта задача насущная, но она до сих пор не решена и, на мой взгляд, не может быть решена в рамках нарративной истории³⁴) на компаративной основе.

Макрообъект исторической науки обладает свойствами *универсальности* и *структурированности*. О. М. Медушевская подчеркивает: «Стратегия создания [вещи] по-видимому универсальна в своих основных параметрах, ибо она доступна человеческому пониманию <...> Существует универсальность творческого человеческого алгоритма, а следовательно, универсальна и способность индивида воспроизвести ее в обратном порядке, от материального образа вещи — к пониманию автора».³⁵

При этом, в полном соответствии с ранее разработанной теорией источниковедения, концептуальными основаниями классификации исторических источников, О. М. Медушевская обуславливает вид исторического источника его функцией / целеполаганием его создания.³⁶

Фактор третий — преодоление европоцентризма. То, что преодоление европоцентризма, — хотя бы в рамках глобальной истории, — является актуальнейшей задачей исторической науки, не требует особых обоснований. Как и то, что эта задача настолько

²⁹ См.: Медушевская О. М. Эмпирическая реальность... С. 24.

³⁰ См.: Научное направление — особый ракурс рассмотрения исторической реальности: Теория и методология исторической науки... С. 311.

³¹ Подробнее см.: Румянцева М. Ф. О невозможности глобальной истории и о ее перспективах: неоклассическое источниковедение в построении глобальной истории // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016, вып. 10 (54). Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001773-9-1> (дата обращения: 29.03.2024).

³² Медушевская О. М. Теория и методология... С. 48.

³³ См.: Там же. С. 48, 49.

²⁹ См.: Фромм Э. Концепция человека у К. Маркса // Душа человека. М., 1992. С. 390.

³⁰ Медушевская О. М. Теория и методология... С. 19.

³¹ Там же.

трудная, что порою кажется неразрешимой... Обусловлена эта сложность тем, что историческая наука, ее метод, весь ее инструментарий (как было акцентировано в начале статьи) сформировались в европейской цивилизации как цивилизации с историческим типом социальной памяти. И, соответственно, инструментарий источниковедения нацелен на письменные источники, совершенно не универсальные, «обслуживающие» исторический тип социальной памяти, в отличие от вещественных, свойственных абсолютно любой культуре.

Апофеозом европоцентризма является, по видимому, знаковая статья американского политолога Ф. Фукуямы (р. 1952) «Конец истории?» (1989, *The National Interest*).³⁷ Учитывая одиозность личности Ф. Фукуямы и его «научную» репутацию, нельзя не подчеркнуть, что источниковедческий подход к его творчеству дает возможность рассмотреть его как образцового выразителя по-прежнему популярной, хотя на наших глазах устаревающей, идеи европоцентризма. Отметим, что статья «Конец истории?» выходит в 1989 г. В истории исторической науки это переход от третьего к четвертому поколению Школы «Анналов», завершение (начало завершения) увлеченности микроисторией и историей повседневности, направлений небезынертных, но явно не способствовавших целостному системному пониманию истории цивилизаций и в этом смысле вполне соответствующих ситуации «конца истории», описанной Ф. Фукуямой.

После выхода книги Ф. Фукуямы «Конец истории и последний человек» (1992) американский социолог и политолог С. Хантингтон (1927–2008) выступил с альтернативной (хотя, на мой взгляд, ее альтернативность весьма сомнительна) теорией, опубликовав статью «Столкновение цивилизаций» (1993, *Foreign Affairs*) и в 1996 г. оформив свою концепцию в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка».³⁸

Концепция С. Хантингтона — своего рода сигнал к компаративному исследованию цивилизаций, что, естественно, требует расширения источниковой базы за пределы письменных исторических источников.

О. М. Медушевская отмечает, что предложенный ею подход позволяет утверждать, что «универсалия создания продукта является

основанием единого подхода к изучению заложенного в продукте информационного содержания, <...> что набор структур и функций, исторически изменяясь, создает однотипные множества продуктов, имеющих общие видовые свойства».³⁹ Таким образом, «вид — индикатор происходящих изменений и основная единица для видовой историко-источниковедческой компаративистики».⁴⁰

В самое последнее время, начиная с 2022 г., во многом переломного в геополитической ситуации, не могут не быть актуализированы и новые аспекты глобальной истории. Концепцией внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. в общественно-политический дискурс впервые (если не ошибаюсь) введено применительно к России понятие «государство-цивилизация»,⁴¹ получившее дальнейшее концептуальное развитие в речи Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай» 5 октября 2023 г.⁴² Понимание равноправия цивилизаций, их равноценности и равнозначности позволило В. В. Путину констатировать: «...мир находится на пути к синергии государств-цивилизаций, больших пространств, общностей, осознающих себя именно таковыми».⁴³

В. И. Ленин в свое время афористично заметил: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться».⁴⁴ Конечно, это сказано по совершенно конкретному поводу, но вполне может быть распространено и на построение глобальной истории на основах синергии цивилизаций. Сформулированные в концепции когнитивной истории О. М. Медушевской принципы универсальности и структурированности *эмпирической реальности исторического мира*, в которой особое место, именно в силу своей универсальности, занимают *вещественные источники*, служат основой компаративного исследования цивилизаций, выявления их общих оснований и культурных особенностей.

³⁹ Там же. С. 226.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 29.03.2024).

⁴² См.: Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 29.03.2024).

⁴³ Там же.

⁴⁴ Ленин В. И. Заявление редакции «Искры» // Полное собрание сочинение. М., 1967. Т. 4. С. 358.

³⁷ Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 134–148.

³⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Заключение

Выделив три фактора актуализации изобразительных (в большой мере) и вещественных (совсем незначительно и явно недостаточно) исторических источников, не могу не отметить, что первый фактор в значительной степени обуславливает визуальный поворот. Второй фактор создает теоретическую основу расширения источниковой базы исследований в условиях культурного поворота. И именно третий фактор должен заставить историков наконец-то обратиться к вещественным историческим источникам как наиболее универсальным.

Актуальная социокультурная ситуация и соответствующая ей историческая культура не могут не востребовать вещественные исторические источники. Но что же мешает их полноценному использованию? На мой взгляд, неразработанность видовой структуры вещественных исторических источников. Но эта проблема, при всей ее сложности ввиду обилия и многофункциональности создаваемых человеком вещей, имеет уже апробированный в источниковедении способ решения: вид исторических источников определяется их первичной социальной функцией / целеполаганием

Marina F. Rumyantseva

Candidate of Historical Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow)

E-mail: mf-r@yandex.ru

MATERIAL SOURCES IN HISTORICAL RESEARCH: FROM TRADITION TO INNOVATION

The article analyzes the significance of material historical sources in the system of types of historical sources from the mid-19th century to the beginning of the 21st century. It is shown that in the propaedeutics / manuals on the historical method since the mid-19th century, material historical sources occupied an essential place, along with written historical sources, but they were not involved in the practice of historical science. The explanation of this phenomenon is given using the concept of two types of cultures, historical and traditional, by Yu. M. Lotman. The factors of the beginning of the turn to material historical sources in source studies at the end of the 20th century are explicated. Firstly, there is an anthropological/cultural/pragmatic turn in historical knowledge, associated both with the crisis of the historical narrative and with the awareness of the excessive schematicity of structural history. Secondly, the transformation of the object of source studies, which is most important for the problem under consideration. Special attention is paid to the analysis of the concept *empirical reality of the historical world* as a macroobject of historical cognition formulated by O. M. Medushevskaya within the framework of the theory of cognitive history. Its properties of universality and structurality, which determine its importance as an empirical basis for building a global history on a comparative basis, are analyzed. Thirdly, the actualization of the task of overcoming Eurocentrism, the situation of the clash of civilizations and the formulation of the geopolitical task of their synergy require the expansion of the source base beyond the traditional written sources for the historical type of culture, primarily at the expense of material sources as the most universal for different civilizations. In conclusion, the difficulties of involving material historical sources in scientific turnover are explicated and ways to overcome them are outlined.

в культуре. На первом этапе можно выделить общезначимые универсальные функции, связанные с жизнедеятельностью человека. Но все-таки есть существенное препятствие — археография вещественного источника. Эта проблематика совершенно не разработана. Попытка хотя бы поставить эту проблему в 2012 г. в рамках конференции «Археография музейного предмета»⁴⁵ успеха не имела, а только выявила ее сложность. За прошедшие годы, кажется, мало что изменилось... Но чтобы не заканчивать размышления о вещественных источниках этой печальной констатацией, отметим, что оптимизм добавляет то, что вещественные источники действительно универсальны и в качестве таковых воспринимаются не только профессиональными историками-источниковедами, но и массовым сознанием (это могут засвидетельствовать многочисленные посетители многочисленных этнографических музеев / музеев быта, отнюдь не только специалисты). Ну и конечно, историки должны востребовать богатый опыт работы с вещественными источниками, накопленный другими научными дисциплинами — этнографией, археологией, музееведением / музейным источниковедением.

⁴⁵ Археография музейного предмета: материалы международной научной конференции, г. Москва, 16-17 марта 2012 г. М., 2012.

Keywords: *source study, material historical sources, written historical sources, system of types of historical sources, empirical reality of the historical world, overcoming Eurocentrism, comparative source study*

REFERENCES

- Arkheografiya muzeynogo predmeta: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Archaeography of Museum Objects: Materials of the International Sci. Conf.]. Moscow: RGGU Publ., 2012. (in Russ.).
- Callon M. [Actor-Network Theory]. *Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet "Vysshaya shkola ekonomiki"* [HSE University]. Available at: <https://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/%D0%9A%D0%B0%D0%BB%D0%BB%D0%BE%D0%BD%20%D0%9C.%20%D0%90%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%BD%D0%BE-%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D0%B0%D1%8F%20%D1%82%D0%B5%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F.pdf?ysclid=lwqa8n1y83879449775> (accessed: 05.01.2024). (in Russ.).
- Febvre L. [The Court of Conscience of History and the Historian]. *Boi za istoriyu* [Combats for History]. Moscow: Nauka Publ., 1991, pp. 10–23. (in Russ.).
- Fromm E. [Marx's Concept of Man]. *Dusha cheloveka* [The Heart of Man]. Moscow: Respublika Publ., 1992, pp. 375–414. (in Russ.).
- Fukuyama F. [The End of History?]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1990, no. 3, pp. 134–148. (in Russ.).
- Huntington S. *Stolknoveniye tsivilizatsiy* [The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order]. Moscow: AST Publ., 2003. (in Russ.).
- Husserl E. [Philosophy and the Crisis of European Man]. *Filosofiya kak strogaya nauka* [Philosophy as Rigorous Science]. Novocherkassk: Agentstvo SAGUNA Publ., 1994, pp. 101–126. (in Russ.).
- Hutton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2004. (in Russ.).
- Lotman Yu. M. [Alternative Option: Non-Literate Culture or Culture before Culture?]. *Lotman Yu. M. Vnutri mysl'yashchikh mirov: chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Lotman Yu. M. Inside Thinking Worlds: Man — Text — Semiosphere — History]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996, pp. 344–356. (in Russ.).
- Medushevskaya O. M. [Empirical Reality of the Historical World]. *Vspomogatel'nyye istoricheskiye distsipliny — istochnikovedeniye — metodologiya istorii v sisteme gumanitarnogo znaniya: materialy XX mezhdunarodnoy nauch. konf. v 2 ch.* [Auxiliary Historical Disciplines — Source Studies — Methodology of History in the System of Humanitarian Knowledge: Materials of the 20th International Sci. Conf. in 2 parts]. Moscow: RGGU Publ., 2008, part 1, pp. 24–34. (in Russ.).
- Medushevskaya O. M. *Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii* [Theory and Methodology of Cognitive History]. Moscow: RGGU Publ., 2008. (in Russ.).
- Nauchno-pedagogicheskaya shkola istochnikovedeniya Istoriko-arkhivnogo instituta* [Scientific and Pedagogical School of Source Studies of the Historical and Archival Institute]. Moscow: RGGU Publ., 2001. (in Russ.).
- Nora P. [Problematics of Places of Memory]. *Frantsiya — pamyat'* [France — Memory]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta Publ., 1999, pp. 17–50. (in Russ.).
- Rumyantseva M. F. [About the Impossibility of Global History and Its Prospects: Neo-Classical Source Studies in the Construction of Global History]. *"Istoriya" Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal* ["History" Electronic Scientific and Educational Journal], 2016, iss. 10 (54). Available at: <http://history.jes.su/s207987840001773-9-1> (accessed: 29.03.2024). (in Russ.).
- Rumyantseva M. F. [The Source Study in the Structure of Historical Knowledge: The Neoclassical Model of Science]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2017, no. 5 (166), pp. 44–51. (in Russ.).
- Rumyantseva M. F. ["Turns in Historical Knowledge": An Experience of Systematization]. *Istoriya kul'tury i kul'tura istorii* [History of Culture and Culture of History]. Krasnodar: KubGU Publ., 2024, pp. 41–52. (in Russ.).
- Sotsiologiya veshchey: sb. statey* [Sociology of Things: Collection of Articles]. Moscow: ID "Territoriya budushchego" Publ., 2006. (in Russ.).

Для цитирования: Румянцева М. Ф. Вещественные источники в историческом исследовании: от традиции к новации // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 90–97. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-90-97.

For citation: Rumyantseva M. F. Material Sources in Historical Research: From Tradition to Innovation // Ural Historical Journal, 2024, no. 3 (84), pp. 90–97. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-3(84)-90-97.